

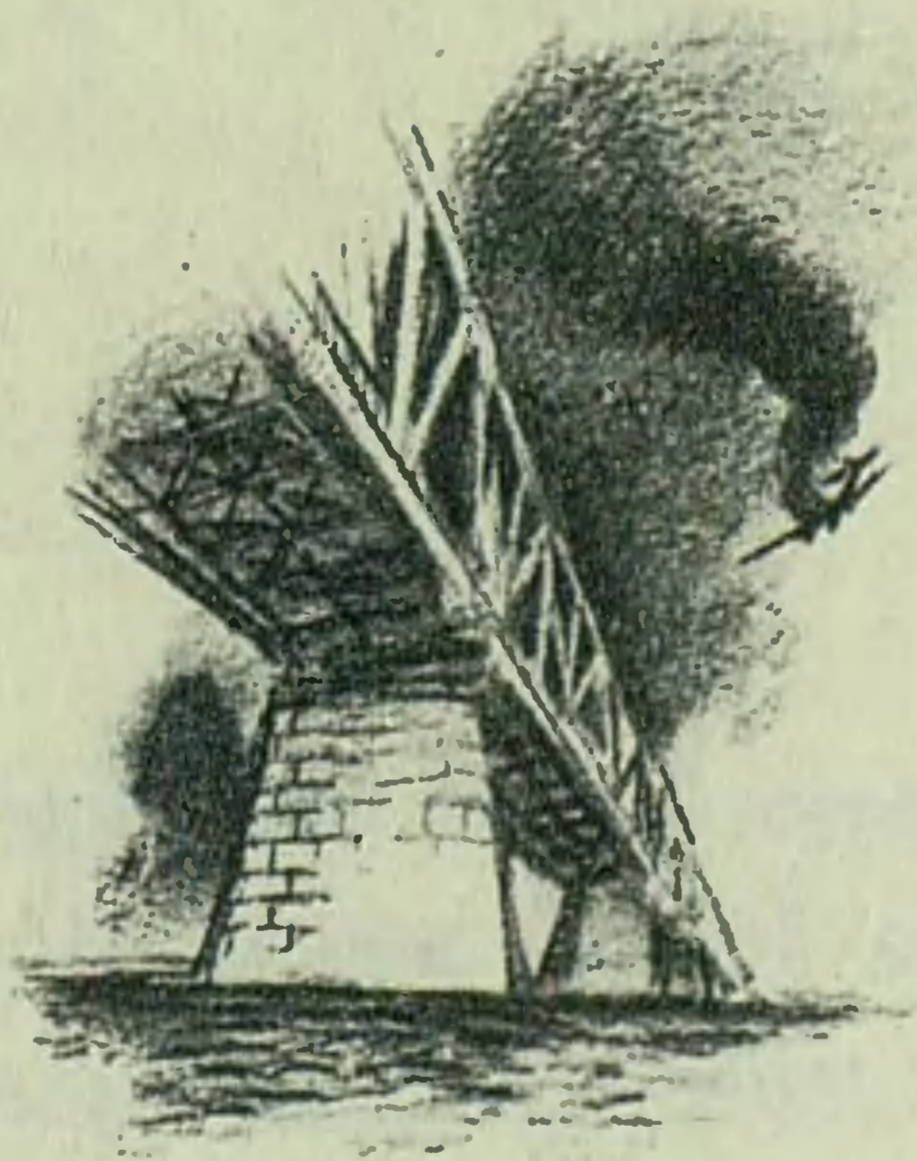

Рассказы
мужества

ДЕТМЭ 1946

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

РАССКАЗЫ О МУЖЕСТВЕ

Рисунки Л. МИЛЬЧИНА

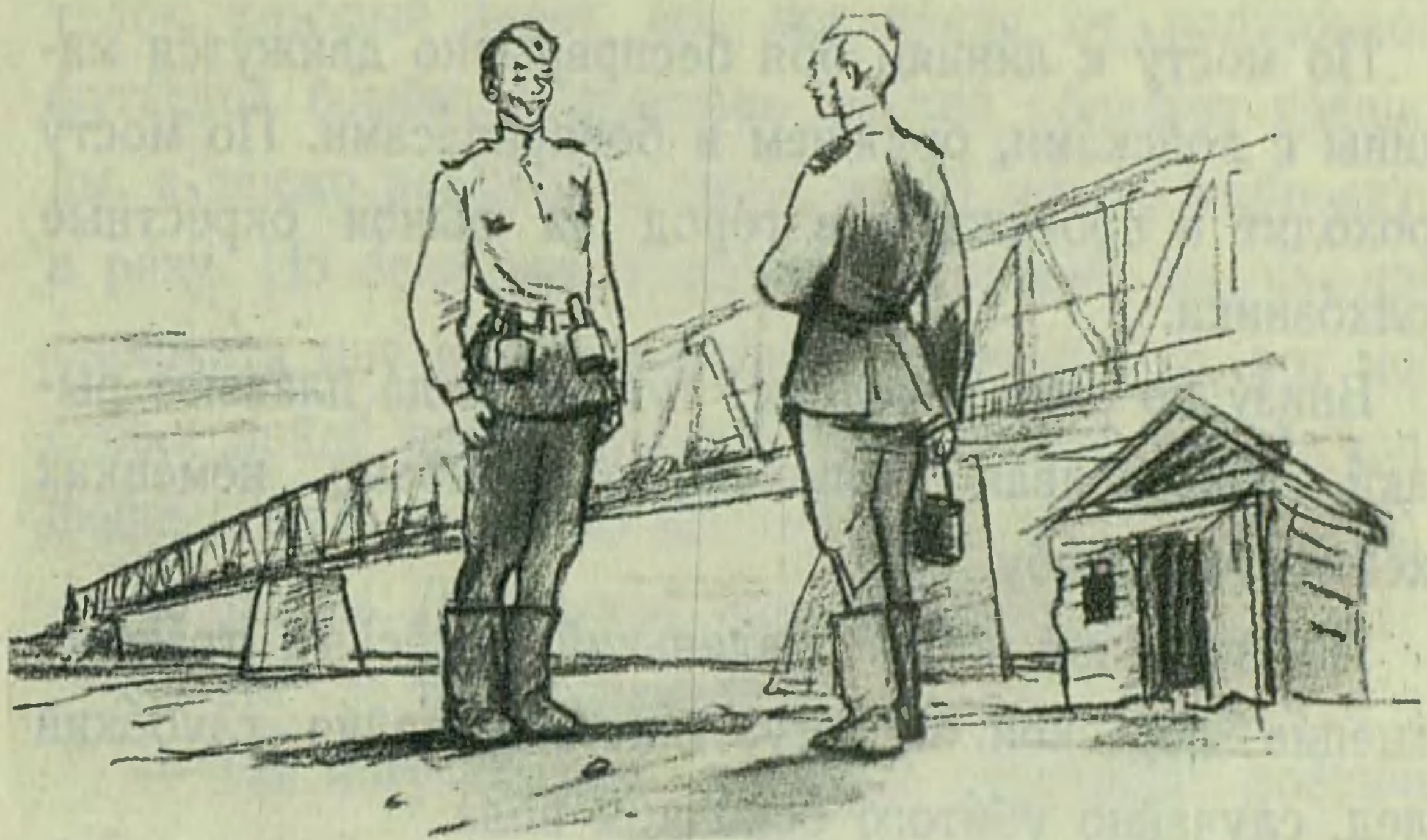
Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

Москва 1948 Ленинград

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

680522 Кх-рег

Российская государственная
детская библиотека

А. ГАЙДАР

МОСТ

Прямой и узкий, как лезвие штыка, лёг через реку железный мост. И на нём высоко, между водою и небом, через каждые двадцать-тридцать метров стоят наши часовые.

Вправо по берегу, за камышами — а где точно, знают только болотные кулики да длинноногие цапли, — спрятан прикрывающий мост батальон пехоты. На другом берегу, на горе, в кустарнике, — артиллеристы-зенитчики.

По мосту к линиям боя непрерывно движутся машины с войсками, оружием и боеприпасами. По мосту проходят и проезжают в город на рынок окрестные колхозники.

Внизу по реке в челнах¹ туда и сюда плавают рыбаки, вылавливая оглушенную бомбами немецких «хейнкелей» рыбу.

По песчаной косе² маленький колёсный трактор, зацепив верёвкой за ногу, тянет, оставляя глубокий след, случайно убитого осколком вола.

Перед изъеденной, как оспой, осколками избой-караулкой возникает связной от пехотного батальона, красноармеец Фёдор Ефимкин. Он пробрался напрямик, топью. Поэтому нижняя половина его тела почти до пояса мокрая и чёрная, гимнастёрка же и пилотка на сблнце выгорели и покрылись сухой светлосерой пылью. Рыжий ремень до того густо увешан ручными гранатами, что при быстрых поворотах Ефимкина они отходят и топорщатся во все стороны. Он останавливается возле старшины Дворникова, который пытливо исследует дыры смятого, пробитого котелка, и, козырнув, спрашивает:

¹ В челнах (чёлн) — в лодках.

² По песчаной косе — по узкой песчаной отмели.

— Разрешите, товарищ старшина, обратиться? Котелок, который имеет все попадания от полутонной фугасной бомбы, вследствие сжатия образует трещины, а также различные дыры, и его можно выбросить в реку. Но если вы, товарищ старшина, на час-два одолжите мне вон ту плетеную корзину, то, вот мое слово, пойду назад, принесу вам котелок новый, трофейный, крашенный во все голубое.

Старшина Дворников оборачивается:

— На что тебе корзина?

— Не могу сказать, товарищ старшина: военная тайна.

— Не дам корзины, — заявляет старшина. — Вы у нас мешок взяли и не вернули.

— Мешок, товарищ старшина, готов был к возврату. Но тут случился факт, что наши захватили в плен трех немцев, а в сумках у них был обнаружен грабленный материал: четыре колоды игральных карт, трусы для обоего пола, полотенца, кофты, какао и кружевные пододеяльники. Все означенное, кроме какао, было сложено в ваш мешок и отправлено как доказательство в штаб дивизии, откуда вполне можно мешок затребовать по закону.

— Ты мне зубы не заговаривай, — невольно улыбнувшись, сказал старшина. — Ты мне лучше скажи,

зачём столько гранат на пояс повесил. Что у тебя тут — арсенал¹, цейхгауз?²

— Ходил вчера в разведку, товарищ старшина, шесть бросил, двух даже нехватило. У меня ещё пара круглых лимонов³ лежит в кармане. Хорошая это штука для ночной разведки: огонь яркий, звук резкий. Который немец и не помрёт, так всё равно от страха обалдеет. Дайте, товарищ старшина, корзину. Вот как нужно! Иначе срывается вся моя операция.

— Какая операция? — недоумевает старшина. — Ты, друг, что-то заболтался.

Старшина смотрит на Ефимкина.

Ох, и хитёр, задорен! Но молодец этот парень. Всегда он мокрый или пыльный, промасленный, но глянешь на его прямые, угловатые плечи, на его добродушную, лукавую улыбку, на то, как он стоит, как ловко скручивает тугую махорочную цыгарку, и сразу скажешь: это боевой парень.

— Возьми, — говорит старшина. — Да скажи вашему лейтенанту: что же, мол, нас бомбят, а вы, на самом деле, внизу себе рыбу ловите, и попроси у не-

¹ Арсенал — склад оружия.

² Цейхгауз — склад вещей.

³ Круглых лимонов — круглых ручных гранат.

го — пусть и на нашу долю пришлёт на уху щурят или ершей.

— Вот ещё! Из-за каких-то там ершей буду я лейтенанта беспокоить! — поспешно забирая корзинку, говорит Ефимкин. — Вас, наверное, сегодня опять бомбить будут, так я к вечеру за пропуском придю — целую корзину свежих лещей принесу. Высокый у вас пост, товарищ старшина! — со вздохом добавляет Ефимкин. — Мне что — у нас трава, канавы, земля, кустарники. А вы... стойте на глазах у всего света.

Ефимкин берёт корзинку и, грязно-сизый снизу, пыльный сверху, побрякивая своими нацепленными гранатами, идёт через мост мимо ряда часовых, которые молча провожают его любопытными взглядами. Многих из них он знает уже по фамилиям. Вот Нестеренко, Курбатов. Молча, сощурив узкие глаза, стоит туркмен Бекетов. Этого человека вначале назначили было в разведку. Ночью в лесу он отстал, растерялся, запутался. На следующий раз то же самое. Уже решили было, что он трус. Командование хотело наложить дисциплинарное взыскание¹. Но комиссар быстро понял, в чём дело. Бекетов вырос и жил в бескрайных песках Туркмении и леса никогда не видел. А сейчас

¹ Наложить дисциплинарное взыскание — наказать.

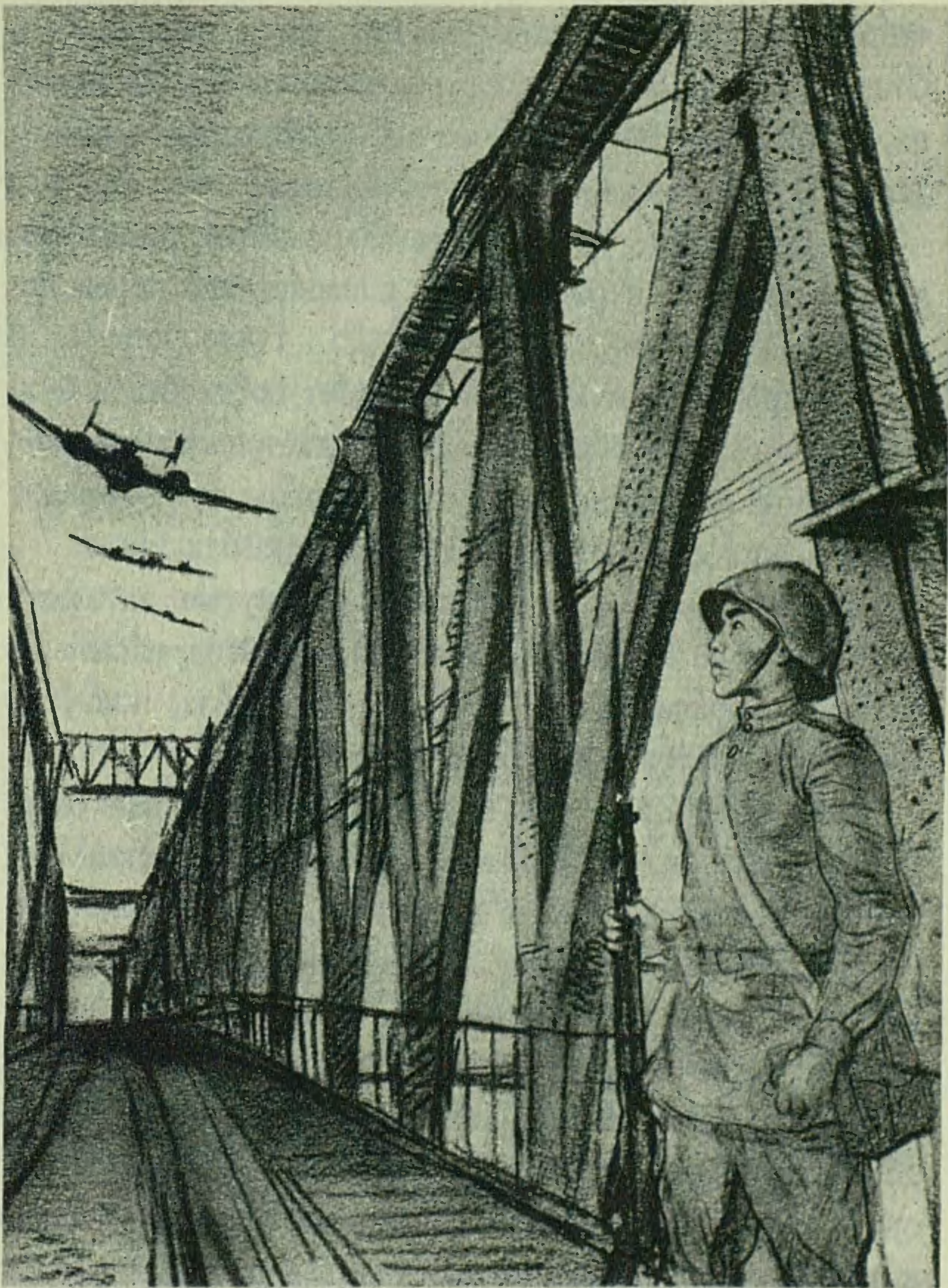
он гордо стоит на самом опасном посту. Тридцать метров над водой! На самой середине моста. На той самой точке, куда с воем и ревом вот уже три недели ожесточенно, но неудачно бьют бомбами фашистские самолеты.

Ефимкину нравится спокойное, невозмутимое лицо этого часового. Он хотел бы сказать ему что-нибудь приятное по-туркменски, но, кроме русского языка и нужных в разведке немецких слов: «хальт» (стой), «хенде хох» (руки вверх), «ваффен хинлеген» (бросай оружие), Ефимкин ничего не знает, и поэтому он, прищелкнув языком, подмигнув, хлопает одобрительно рука об руку и, оставив туркмена в полном недоумении, хватает на руки маленькую девчурку, сажает ее в корзину и мимо улыбающихся часовых, покачивая, несет ее до самого конца моста.

Там он отдаёт ребенка на руки матери, а сам, осторожно оглядываясь, лезет под крутой откос, к болоту.

Старшине Дворникову, который наблюдает за Ефимкиным в бинокль, теперь ясны и военная тайна и вся операция Ефимкина. Утром снарядом разбило фургон¹ со сливами. По дороге шли бойцы и подобрали, но часть слив осталась, и Ефимкин набирает в корзину,

¹ Ф у р г о н — крытая телега, повозка.

чтобы отнести их своим товарищам и командирам. Старшина оглядывается. Кругом ширь и покой. Правда, за холмами где-то идёт война, гудят взрывы, но это далёкая и неопасная для моста музыка.

Старшина ещё раз смотрит на помятый, продырявленный котелок и решительно швыряет его через перила.

Но, прежде чем котелок успеваёт пролететь и бхнуть в тёплую сонную воду, раздаётся отрывистый, хватающий за сердце вой ручной сирены, и от конца к концу моста летит тревожный окрик: «Воздух!»

Стремительно мчатся прочь застигнутые на мосту машины, повозки; люди. Они прячутся под насыпь, в канавы, сворачивают на луга к стогам сена, ползут в ямы, скрываются в кустарнике.

Ещё одна, две... три минуты! И вот он, как сверкающий клинок, острый, прямой, безмолвно зажат над водой, грозный железный мост.

Честь и слава смелым, мужественным часовым всех военных дорог нашего великого советского края — и тем, что стоят в дремучих лесах, и тем, что на высоких горах, и тем, что в селениях, в больших городах, у ворот, на углах, на перекрестках, — но ярче всех горит суровая слава часового, стоящего на том мосту, через который идут груженные патронами и снарядами поез-

да и шагают запылённые мужественные войска, направляясь к решительному бою.

Он стоит на узкой и длинной полбске желёза, и над его головой открытое, ревущее гулом моторов и грозящее смертью небо. Под его ногами тридцать метров пустоты, а ещё ниже блещут тёмные волны. В волнах ревут сброшенные с самолётов бомбы, по небу грохочут взрывы зениток, и с визгом, скрежетом и лязгом вкривь и вкось летят раскалённые осколки.

Два шага направо, два налево.

Вот и весь ход у часового.

Луга — пехота — молчат и напряжённо наблюдают за боем.

Но гора — зенитчики — в гневе. Гора защищает мост всей мощью и силой своего огневого шквала¹.

Протяжно воют «мессершмитты». Тяжело ревут бомбардировщики. Они бросаются на мост стаями. Их много: тридцать, сорок. Вот они один за другим ложатся на боевой курс. И кажется, что уже нет силы, которая помешает им броситься вниз и швырять бомбы на самый центр моста, туда, где, прислонившись спиной к желёзу и сдвинув на лоб тяжёлую каску, молча

¹ Огневого шквала — сильного обстрела.

стоит часовый Бекетов, но горá яростно вздымáет к небу грóзную завесу из огня и стали.

Один вражеский самолёт покачнулся, подпрыгнул, зашатáлся и как-то тяжело пошёл вниз, на луг, а там обрадованно его подхватила на свой станковый пулемёт пехота.

И тотчас же соседний самолёт, который стремительно ринулся на цель, поспешно бросает бомбы раньше, чем надо, выравнивается, ложится на крыло и уходит.

Бомбы летят, как каменный дождь, но они падают в воду, в песок, в болото, потому что строй самолётов разбит и разброван.

Несколько десятков ярко светящих «зажигалок»¹ падают на настл моста, но, не дожидаясь пожарников, ударом тяжёлого, окóванного железом носка, прикладом винтовки часовые сшибают их с моста в воду.

Преследуемые подоспéвшим «ястребком», самолёты противника беспорядочно отходят.

И вот, прежде чем связисты успевают наладить порванный воздушной волной полевой провод, прежде чем начальник охраны моста лейтенант Меркулов донесёт по телефону в штаб о результатах бомбёжки,

¹ «Зажигалок» — зажигательных бомб.

много-много людей, заслонив ладонью глаза от солнца, напряжённо смотрят сейчас в сторону моста.

Семьсот «самолётоналётов» сделал уже противник и больше пяти тысяч бомб бросил за неделю в районе моста.

Проходят долгие, томительные минуты — пять, десять, — и вдруг...

Сверху вниз, с крыш, из окон, с деревьев, с заборов, несутся радостные крики:

— Пошли, пошли!

— Наши тронулись!

Это обрадованные люди увидели, что тронулись и двинулись через мост наши машины.

— Значит, всё в порядке!

К старшине Дворникову, который стоит возле группы красноармейцев, подходит связной Ефимкин. Он протягивает старшине новый железный котелок. Ставит на землю корзину со свежей, оглушённой немецкими бомбами рыбой и говорит:

— Добрый вечер! Все целы?

Ему наперебой сообщают:

— Акимов ранен, Емельянов толкал бомбу, прожёл сапог, обжёл ногу.

Старшина берёт корзину, ведёт Ефимкина в помещение и получает у лейтенанта ночной пропуск.

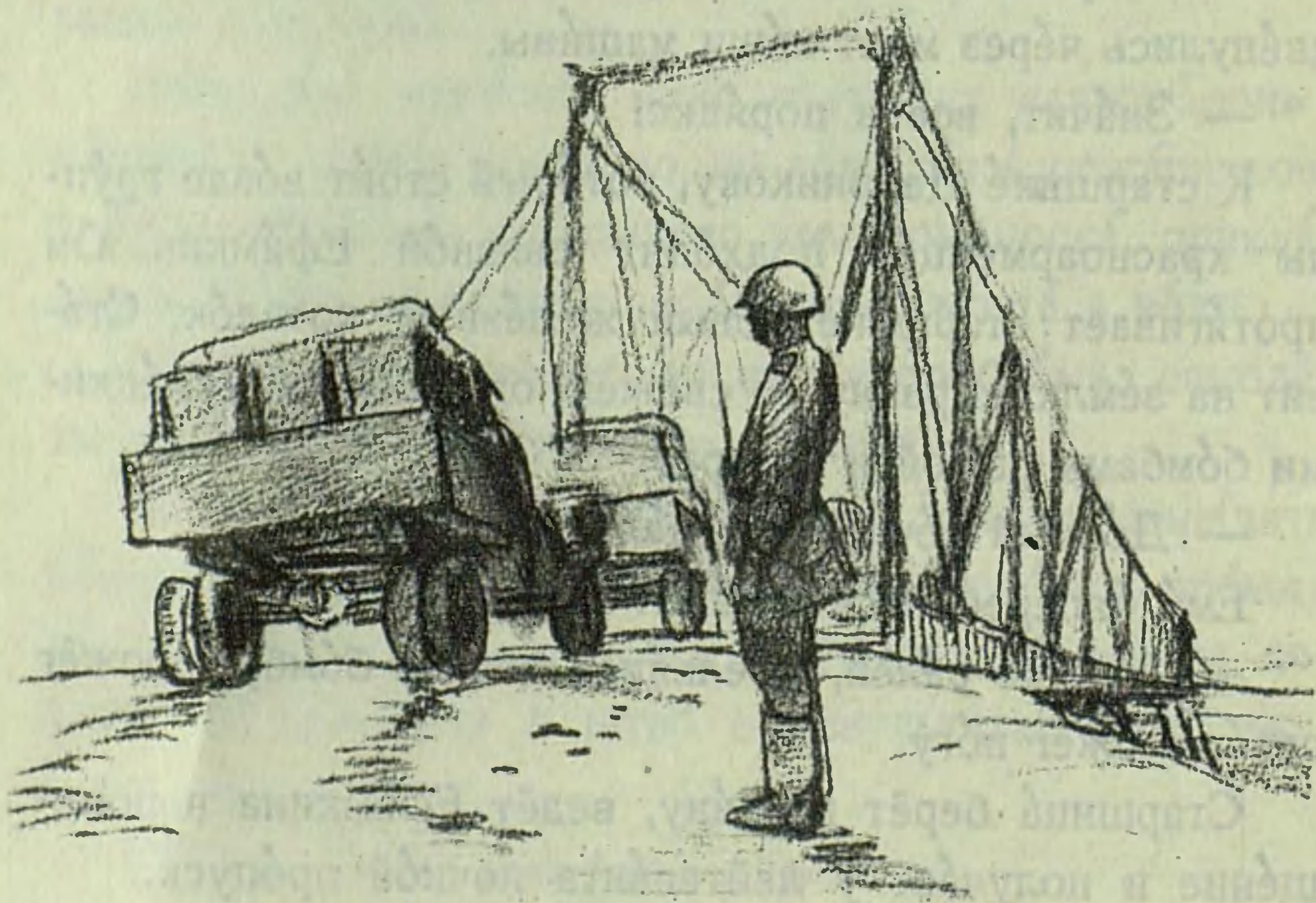
Пéред тем как спуститься под насыпь, оба они обрачиваются.

Далеко на горизонте вспыхивает и медленно плывёт по небу голубая ракета.

Налево из деревушки доносится хоровая песня. Да, песня. Да, здесь вскоре после огня и гула громко поют девчата.

Ефимкин удерживает старшину за рукав.

— Высокий у вас пост, товарищ старшина! — опять повторяет он. — Днём на двадцать километров вокруг видно, ночью — на десять всё слышно...

Л. БАССІЛЬ

АЛЕКСО́Й АНДРЕ́ЕВИЧ

У Алексе́я Андре́евича должны́ быть большіе усы́, го́лос гру́бый, плéчи ширóкие... Так думал команді́р войсковóй ча́сти, котóрая расположи́лась у бе́рега ре́ки Н. Команді́р никогда́ не ви́дел в глаза́ Алексе́я Андре́евича, но слы́шал о нём ка́ждый день. Неде́лю наза́д бойцы́, возвра́щаясь из развѣдки, доложи́ли, что в лесóчке их встрѣтил босóй мальчуга́н, вы́вернул из кар-

ма́нов семь бе́лых ка́мешков, пять че́рных, пото́м вы́тянул верёвку, завя́занную четырьмя́ узелка́ми, и в конце́ концо́в вы́тряхнул три ще́почки. И, глядя́ на добы́тое из карма́нов добро́, неизвёстный мальчу́ган сообщи́л шбо́потом, что на том берегу́ ре́ки замéчены семь миноме́тов, пять та́нков, четы́ре ору́дия и три пулемёта про́тивника. На вопро́с, отку́да он взя́лся, мальчо́нка отве́тил, что его́ присла́л сам Алексе́й Андре́евич.

Прише́л он к развёдчикам и на друго́й день и на тре́тий. И ка́ждый раз до́лго ры́лся в карма́нах, вы́таскивая разноце́втные ка́мешки, ще́почки, счита́л узлы́ на бече́вке и говори́л, что его́ присла́л Алексе́й Андре́евич. Кто тако́в Алексе́й Андре́евич, мальчо́нка не сказа́л, как его́ ни расспра́шивали. «Вре́мя воённое — болта́ть мно́го не́чего, — объясни́л он, — да и сам Алексе́й Андре́евич не прика́зывал ниче́го говори́ть о нём». И командир, ежедне́вно получа́я о́чень ва́жные све́дения в лесу́, реши́л, что Алексе́й Андре́евич — э́то како́й-то хра́брый заре́чный партиза́н, могу́чий бога́тырь с туги́ми уса́ми и ни́зким го́лосом. И́менно таким почему́-то каза́лся команди́ру Алексе́й Андре́евич.

Одна́жды ве́чером, когда́ с ширбо́кой ре́ки потяну́ло тепло́м и вода́ ста́ла совсе́м гла́дкой, как в блю́дце, командир провери́л посты́ охране́ния и собра́лся поужина́ть. Но тут ему́ доложи́ли, что к часова́м заста́вы

прибыл какой-то парнишка и просится к командиру. Командир разрешил пропустить мальчишку.

Через несколько минут он увидел перед собой невысокого паренька лет тринадцати-четырнадцати. Ничего особенного в нём не было. Мальчишка с виду казался простоватым и даже немного непонятливым. Он шёл слегка разболтанной походкой, и слишком короткие штанины мотались из стороны в сторону над его босыми ступнями. Но командиру показало, что мальчишка только прикидывается таким простачком. Командир почувял какую-то хитрость. И действительно, как только паренёк увидел командира, он тотчас перестал зевать по сторонам, выпрямился, сделал четыре твёрдых шага, вытянулся, отдал пионерский салют и отчеканил:

— Разрешите доложиться, товарищ командир? Алексей Андреевич...

— Ты?! — не поверил командир.

— Я самый. Заведующий переправой.

— Чем? Чем заведующий? — переспросил командир.

— Переправой! — раздалось из-за куста, и сквозь листву просунулся мальчонка лет девяти.

— А ты кто такой? — спросил командир.

Мальчуган вылез из куста, вытянулся и, погляды-

680522

вая то на командира, то на своего старшего товарища, старательно выговорил:

— Я — для особых поручений.

Тот, что назвался Алексеем Андреевичем, грозно покосился на него.

— Для поручений, — поправил он малыша. — Сто раз сказано! И не лезь, куда старший говорит. Сызнова вас учить надо?

Командир скрыл улыбку и внимательно оглядел обоих. И старший и маленький стояли перед ним навзтяжку.

— Это Валёк, помощник мой, посыльный, — пояснил первый, — а я заведующий переправой.

У маленького «посыльного» от волнения всё время шевелились пальцы босых запылённых ног, аккуратно сдвинутых пятками вместе.

— Заведующий? Переправой? — удивился командир.

— Так точно.

— Где же это твоя переправа?

— В известном месте, — сказал паренёк и посмотрел на маленького; тот только носом шмыгнул: понимаем, мол, не бойсь.

— А ты откуда явился?

— Из посёлка. Вон там, за лесом.

— А по фамилии как тебя? — допытывался командир.

— А по фамилии — я потом, только вам скажу, а то может семейству моему вред получиться. Немцы узнают — плохо нашим за меня сделают.

— За что же немцы тебе мстить будут?

— Как за что? За переправу. — Паренёк даже обиделся.

— Да что это за переправа такая? — рассердился командир. — Крутит тут мне голову: «переправа, переправа», а ничего толком не объяснит.

— Можно стоять вольно? — спросил паренёк.

— Да стой вольно, стой, как хочешь, только скажи толком: чего тебе от меня надо?

Ребята стали «вольно». Маленький при этом старательно отставил в сторону ногу и смешно вывернул пятку.

— Обыкновенная переправа, — неторопливо начал старший. — Имеется, значит, плот. Под названием «Гроб фашистам». Сами связали. Нас целых восемь человек. А я заведующий. И мы с того берега, где немцы, трёх раненых наших на эту сторону переправили. Они вон там, в лесу. Мы их там укрыли, маскировку сделали. Только дальше-то их тащить тяжело. Вот мы к вам и прибыли. Их надо в посёлок унести, раненых.

— Что ж, нѣмцы вас не замѣтили? Как же вы у них под нѳсом на своём плоту путешѣствуете?

— А мы всё под бережком, под бережком, а потом там у нас коряга есть, мы от неё уже на ту сторону переваливаем. Тут у рѣчки изгиб. Вот и не видно нас. Они замѣтили было, стрелять начали, а мы уже к месту назначения прибыли.

— Ну, если правду говоришь, молодец, Андрей Алексеевич! — сказал командир.

— Алексѣй Андреевич, — тихо поправил паренёк, скромно глядя в сторону.

Через полчаса Алексѣй Андреевич и его «порученец» Валёк привели командира и санитаров к раненым, которые были спрятаны в лесу, там, где река промывала глубокую щель в берегу и толстые корни деревьев переплелись, как шалаш.

— Вот тут, — указал Алексѣй Андреевич.

Из-под корней выскочили, карабкаясь по берегу, четверо ребят.

— Смирно! — скомандовал Алексѣй Андреевич и повернулся к командиру: — Команда пионерской переправы в сборе. Раненые как раз тут, у судна выставлена охрана. Переправа к выполнению боевых заданий готова.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался командир.

Ребята дружно ответили; только из-за дерева, нависшего над берегом, с некоторым опозданием прозвучало: «Здравствуйте». И Алексей Андреевич объяснил, что это двое дежурных, которые охраняют спрятанный плот.

Вскоре трое тяжело раненных красноармейцев были уложены санитарями на носилки. Двое из раненных бойцов были в забытьи и только изредка тихо стонали; третий, схватив ослабевшей рукой командира за локоть, тяжело двигая губами, всё старался сказать что-то. Но у него выходило только:

— Пионеры-то... ребятки... очень благодарны... бойцов... пионеры... Пропали бы... А они вот...

Санитары унесли раненных в посёлок, а командир пригласил ребят поужинать к себе. Но Алексей Андреевич заявил, что подходит самое время для работы и он отлучиться не может.

На следующий день Алексей Андреевич принёс командиру бумажку, на которой был нарисован план расположения немцев. Он сам нарисовал его, пробравшись на тот берег.

— А сколько у них пулемётов и орудий, не заметил? — спросил командир.

— Сейчас получите всё в точности, — ответил Алексѣй Андреевич и свистнул.

Тотчас из кустов высунулся долговязый парень в очках.

— Это при нашем плоте счетовод, Колька, — пояснил Алексѣй Андреевич.

— Не счетовод, а булгахтер, — мрачно поправил долговязый.

— Бухгалтер! Сто раз сказано! — сказал Алексѣй Андреевич.

У «бухгалтера» оказался точный, завязанный узелками на верёвке, собранный из камешков и палочек список всех пулеметов и орудий, которые немцы установили на другом берегу.

— А как насчёт броневиков? Не видали?

— Это уж надо у Серёжки спросить, — отвечал Алексѣй Андреевич. — Я нарочно дал поручения всем, чтобы у каждого понемножку было. А по камешкам да щёпочкам немцы не узнают. Это у каждого в кармане бывает. Если кто и попадётся, остальные своё доделают... Эй, Серёжка! — крикнул он, и тотчас из-за кустов вышел наголо стриженный и загорелый парень; у него был десяток ракушек, обозначающих немецкие броневики и танки.

— Мòжет, вам винтòвки нужны? — вдруг сурòво спросил Алексéй Андрéевич.

Командíр рассмеялся:

— А вы что, не тòлько плоты мастерíte, но и винтòвки, выхòдит, производите? Так, что ли?

— Нет, — отвечáл, не улыбаясь, Алексéй Андрéевич. — У нас готòвые, немéцкого производства. Присылайте вéчером за нíми к перепрáве, в ноль часòв пятнáдцать минúт. Тòлько чтоб тòчно.

Чéтверть пёрвого, как было услòвлено, к мéсту перепрáвы пришёл сам командíр. Егò сопровождали нéсколько бойцòв.

Командíр стал спуска́ться к водé и споткну́лся вдруг обо чтò-то желéзное и тяжёлое. Он нагну́лся и нащúпал мòкрую винтòвку.

— Принима́йте ору́жие, — зашепта́л Алексéй Андрéевич.

Вòсемьдесят немéцких винтòвок пéредали пионéры в éту ночь красноармéйцам. Алексéй Андрéевич аккуратно пересчитáл их, отмéтил у себя в записнóй кни́жечке кáждую и велёл своему «бухгалтеру» получи́ть расписку с командíра.

«Данò сие заведующему перепрáвой Алексéю Андрéевичу в том, что мною полу́чено вòсемьдесят немéцких винтòвок, захваченных пионéрами у протíвни-

ка. Выражаю всей команде плотá «Гроб фашистам» благодарность».

И командир расписался.

— Как же это вы ухитрились всё-таки? — спросил он у ребят.

— А они там пьяные. Вот мы подползли и утянули. Очень просто. Три раза туда плавали. Один раз в воду было упустили. Нырять пришлось.

— Больше никаких приключений не было, — вдруг подал голос Валёк.

Все думали, что он уже заснул.

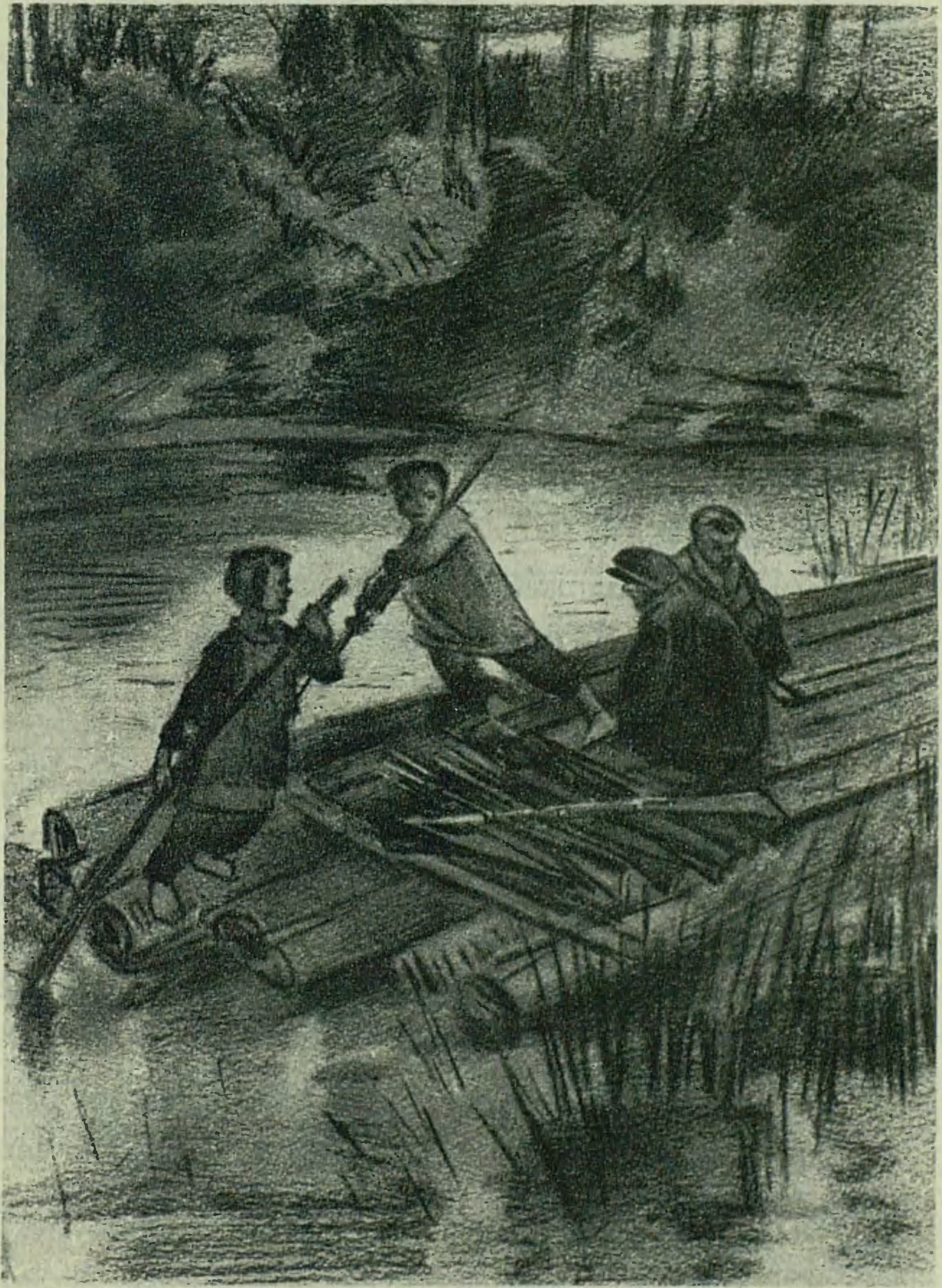
— Ты уж молчи: «приключений»!.. Сто раз сказано: приключений!

— Ну, вы просто молодцы, ребята! — с искренним восхищением сказал командир. — Здорово работаете! Этак вы, пожалуй, и пушку притащить можете.

— И пушку можем, — спокойно согласился Алексей Андреевич.

Оказалось, что на том берегу в болотной грязи накануне завязла немецкая пушка. Ребята высмотрели это место. Днём немцы пытались вытянуть орудие на берег, на сухое место, но у них ничего не вышло.

Командир послал семерых бойцов в помощь ребятам. Команда Алексея Андреевича заняла свои места на бревенчатом плоту. Ребята и бойцы стали грести

рука́ми, до́сками и лопáтами. И плот «Гроб фаши́стам» т́ихо поплы́л по но́чной реке́.

Команди́р до́лжен был верну́ться к своёй ча́сти, но он не мог засну́ть. Не́сколько раз он выходи́л на бе́рег, вгля́дывался в темноту́ и прислу́шивался. Но ни́чего не́ было слы́шно.

Уже́ начина́ло светáть, ко́гда вдруг с то́го бе́рега разда́лись беспоря́дочные вы́стрелы. Не́мцы заме́тили плот и откры́ли о́гонь по нему́. Но бы́ло уже́ по́здно. Команди́р уви́дел, что плот заверну́л за изги́б бе́рега, и бро́сился туда́.

К утру́ в расположе́ние ча́сти бы́ли доста́влены вы́тащенные из гря́зи, оста́вленные фаши́стами пу́шка и миномёт.

Команди́р уложи́л ребят в своёй палáтке. Алексе́й Андре́евич хоте́л оста́вить дежу́рных у плота́, но команди́р поста́вил там своего́ часово́го. Настоя́щий часово́й охраня́л в э́ту но́чь сла́вный пионе́рский плот «Гроб фаши́стам», а заве́дующий перепра́вой и се́меро его́ помо́щников, укры́тые шинеля́ми, сла́дко поса́пывали в команди́рской палáтке.

Утром часть уходила́ на но́вые пози́ции. Реба́т разбудили́, накорми́ли вку́сным за́втраком. Команди́р подоше́л к Алексе́ю Андре́евичу и положи́л ему́ ру́ку на плечо́.

— Ну, Алексе́й Андре́евич, — сказа́л он, — спаси́-бо тебе́ за слу́жбу. Пригоди́лась нам твоя́ перепра́ва. Что ж тебе́ подарить на па́мять?

— Да что вы! Мне ничего́ не на́до.

— Погоди́, — остано́вил его́ командир. — Вот, Алексе́й Андре́евич, друг, получи́ай от меня́. Носи́ с почётом. Зря из него́ не бей, по́пусту не грозись. Ору́жие боево́е. — И, отстегну́в свой нага́н, он протяну́л его́ заведу́ющему перепра́вой.

У ребят загорели́сь глаза́ от восторженной за́висти. Алексе́й Андре́евич взял обе́ими рука́ми револьве́р. Вот она́, сбыла́сь его́ мечта́!.. Настоя́щий нага́н, боево́е ору́жие, тяжёлый, стально́й, семизаря́дный, лежа́л у него́ в руке́, принадлежа́л ему́.

Все молча́ли. Алексе́й Андре́евич хоте́л что́-то сказа́ть. Он уже́ откры́л рот, но вздохну́л и промолча́л.

Пото́м он вздохну́л ещё́ раз и протяну́л нага́н обрат-но команди́ру.

— Нельзя́, — т́ихо проговори́л он, — нельзя́ мне его́ при себе́... Попадёшься ещё́ не́мцам, обы́щут, вот и узна́ют, что мы разведчи́ки.

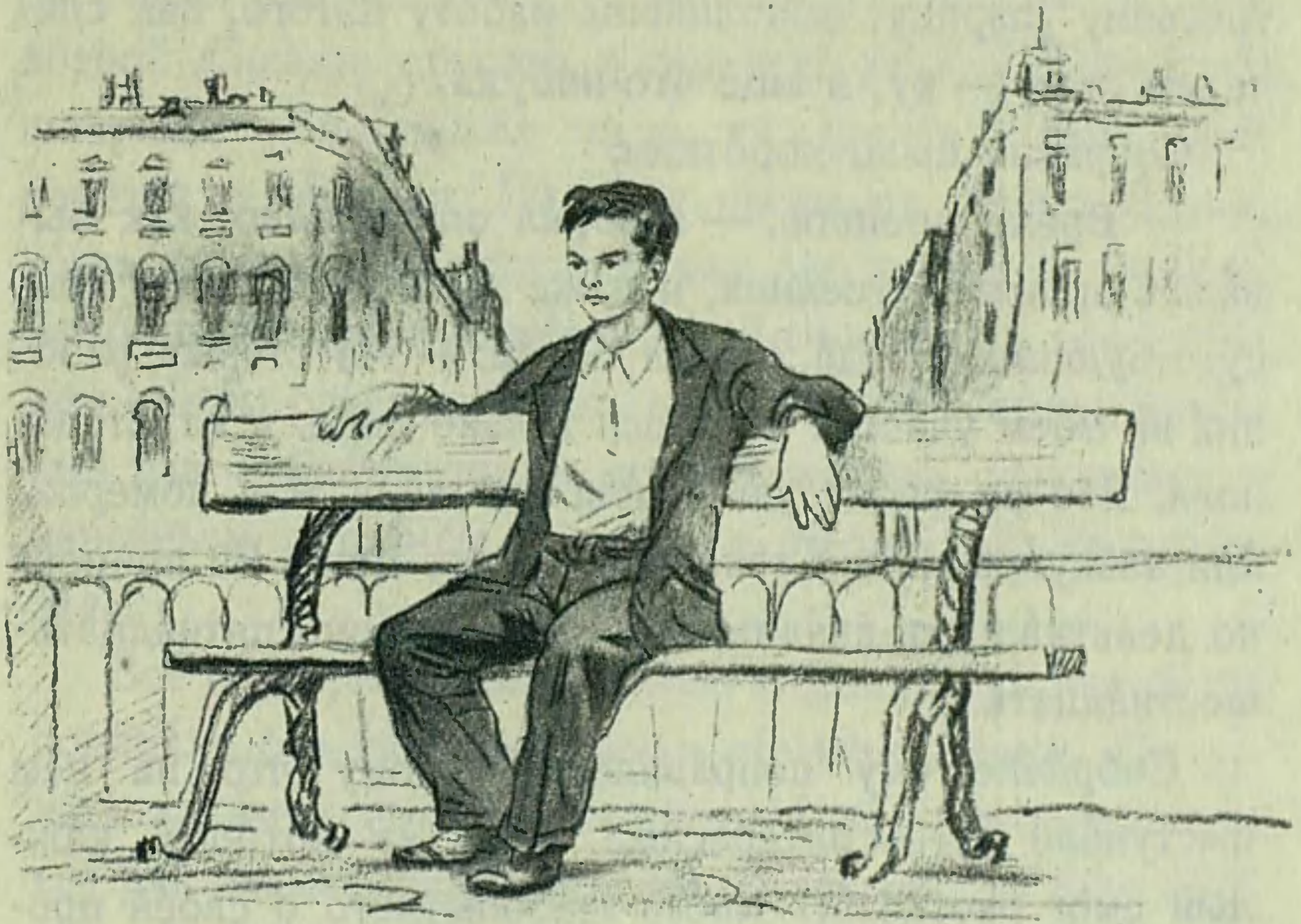
— Что ты, Лёшка! — не вы́держал Валёк-поруче́нец. — Бери́!

— Я тебе́ не Лёшка, сто раз сказа́но! Я же не за себя́ опасáюсь. А че́рез это́ всех нас постреля́ть мо́гут.

Мы должны тайно действовать. Как будто совсем простые, вольные ребята. А тут сразу поймут, что мы разведчики. Нет уж, возьмите, товарищ командир.

И, не глядя на командира, он сунул ему револьвер. Командир не раз вспоминал в тот день маленького заведующего переправой. Очень важные сведения дали командиру ребята. Фашистский батальон с танками и двумя взводами мотоциклистов был разгромлен в этот день. Вечером командир составлял список бойцов, представляемых к награде, и первым он поставил имя пионера Алексея, заведующего переправой через реку Н., славного командира плоты «Гроб фашистам».

Н. ТИХОНОВ

«Я ВСЁ ЖИВУ»

Это был первый случай, что его послали представителем от завода. Надо было выступить на одном небольшом собрании и рассказать о своей работе.

— Я не умею говорить много, — сказал он серьёзно.

— Иди, иди! — отвечали ему. — Ты у нас передовой, ты коротенько расскажи, как ты, работая по

третнему разряду, выполняешь работу пятого, как слесарем стал, — ну, и ещё что-нибудь.

Собрание было коротким.

— Время военное, — говорил он солидно, как бывалый производитель, и даже вызвал улыбки у присутствующих, когда сказал басом: — Из старых рабочих на моём участке осталось только двое: я да Степанова. Все на фронт ушли, или заболели, или померли, или эвакуированы. Степанова старше меня. Ей примерно девятнадцать-двадцать, а мне примерно пятнадцать-шестнадцать...

Собрание ему понравилось, потому что на нём выступали очень интересные люди, из которых каждый смог рассказать много любопытного о своей профессии, о днях осады, о зиме, о пережитых опасностях.

Возвращаясь, он шёл, слегка задумавшись, по набережной небольшой реки; деревья уже были в зелёном уборе, набережная была чистая, как вымытая, город ничем не напоминал мрачные зимние дни. Он сел на скамейку и с удовольствием стал смотреть по сторонам. Целую зиму ему некогда было думать о себе, а теперь собрание и всё, что он услышал там, вызвало в нём целый поток воспоминаний. Он видел себя в родной деревне, видел сестру, шедшую с ведрами по дво-

ру, видел братьев: одного, маленького, верхом на колхозной лошади; другого в гимнастёрке и в сапогах со шпорами — он пришёл тогда из армии. Теперь брат дерётся с немцами. Из дому писем не пишут. Верно, тоже работают на оборону, как он: днями и ночами. Вспомнились первые месяцы в Ленинграде в ремесленном, потом слесарный цех, каким он его увидел в первый раз: с брызжущими металлическими стружками, с ворчаньем и стуком станков, с прохладой большого зала.

Всё ему нравилось, всё шло гладко, руки как будто понимали без указаний, как и что надо делать. Он даже с каким-то изумлением смотрел, как выходят из-под его рук детали, сделанные им. И то, что это было сделано именно им, наполняло его гордостью. Он ни за что не покинул бы завода, не уехал бы в деревню домой, как сделали его маленькие товарищи, не переменял бы город. Город был такой огромный, что каждый раз можно было увидеть новое, сколько бы в нём ни ходить. Затем он увидел его, как в каком-нибудь страшном кинофильме, когда началась война и ночами горели дома, падали бомбы, прожекторы освещали небо, непрерывно гремели зенитки. Он помогал вытаскивать из-под развалин засыпанных обломками. Это была трудная и опасная работа. С ним работал и тот мастер,

добрый Парфений Иванович, который прозвал его, Тимофея Скобелева, странным именем: «Я всё живу».

Случилось это так. Парфений Иванович пришёл в общежитие и говорил с ребятами об их жизни. На Тимофея находили припадки застенчивости, и он путал слова. Волнуясь, он на вопрос: «Ну, как живёшь?», ответил не как хотел: «Я хорошо живу», а чего-то заробел, спутался и сказал: «Я всё живу». Все засмеялись. Потом они подружались с Парфением Ивановичем, и тот шутливо спрашивал, проходя в общежитие:

— А как этот, «Я всё живу»? Жив ещё?

— Жив, — отвечали ему и тащили к нему Тимофея.

Он сидел на зелёной скамейке, напротив пышного весеннего сада, и вспоминал. Зимой кончился ток, завод стал. Он таскал воду в бочках между сугробами, ел хрен в столовой, спал под полушубком, разбирал старые деревянные дома на дрова. Потом завод снова заработал, стал, как повелось говорить, делать «секреты» для фронта. Как Тимофей выжил¹, он сам не знал. Было и холодно и голодно, но он терпел всё отлично и, когда пахнуло первым весенним теплом, ожил совсем.

¹ В ы ж и л — остался жив.

— Ну как? — спрашивал в ту зиму Тимофе́я, видя его́ обычно с топором в руках, Парфе́ний Ива́нович, закутанный до глаз ша́рфом. — Все́ живёшь, брат?

— Все́ живу́, — отвечал он простуженным го́лом. — А что мне сде́лается?

— Терпи́, каза́к, атамáном бу́дешь! — говори́л Парфе́ний Ива́нович.

Атамáном — не атамáном, а он стал са́мым уме́лым рабо́чим слесáрного це́ха, и у него́ уже́ бы́ли подро́чные¹.

Все́ это́ вспомнилось Тимофе́ю как-то сра́зу, пока он сидел на зелёной скаме́йке. Он устал от мы́слей, от их мно́жества и пестроты́. Он перестал ду́мать и стал смотре́ть на дере́вья, на ре́чку, на прохо́жих. Ж́изнь была́ странной. Он посмотре́л на себя́. Чисто одётый опрятный, аккуратнó работающий, не счита́ясь со вре́менем, иногда́ по два дня не оставля́ющий це́ха, он чу́вствовал себя́ счастли́вым.

Но ведь в не́скольких киломе́трах от го́рода сидели не́мцы, в во́здухе гудели сторожевы́е самолёты́ или вдруг с непоня́тной быстротой́ начина́ли сы́паться сна́ряды...

¹ Подро́чные — помо́щники, ученики́.

Мимо него проходили по-весеннему одётые люди, какбй-то мальчик ловил рыбу. Он стал смотреть на мальчика.

Мальчик был худбй, остронбсый, в серой куртке. Тимофёй сначала рассеянно следил за этим рыболовом, но потом, когда мальчик встал и, взяв удочку на плечб, посвистывая, пошёл к зелёной скамейке, Тимофёя словно что-то толкнуло в бок. По мере того как мальчик подходил ближе к нему, Тимофёй всё яснее видел на его щеке коричневое большое пятно, как будто на щеке его застыл большой кофейный натёк.

Когда мальчик находился уже совсем близко, Тимофёй окликнул его:

— Эй, паренёк, погоди минуточку!

Мальчик обернулся, оглядел Тимофёя с головы до ног и сказал:

— Чего тебе?

— Присядь-ка на минутку, — сказал Тимофёй, — если не торопишься.

— Я не тороплюсь, — ответил мальчик и сел на скамейку.

Тимофёй молча разглядывал его. И мальчику это надоело.

— Что я тебе, картина? — сказал он. — Или говори что-нибудь, или я пойду...

— Вот быстрый какой! — сказал Тимофёй. — А я вот медленно думаю.

— А ты думай быстрее.

Мальчик засмеялся, и тогда Тимофёй спросил:

— Слышь, а где ты зимой жил?

— Где жил? — Мальчик свистнул. — Там сейчас ни одна крыса не живёт. Наш дом разбомбили вчистую. Меня самого чуть не пришибло.

— Вот-вот, это я и спрашиваю, — сказал радостно Тимофёй. — Дом с балконами, четырехэтажный, на углу вон там...

— Правильно. А что, ты тоже там жил? Или кого отсюда знаешь?

— Я там не жил, — сказал Тимофёй. — А как тебя зовут?

— Шура Никитин.

— А скажи, Шура, что ты сейчас делаешь-то? Учишься или что?

— Мать померла, отец мобилизован, я у тётки живу. Работать хочу, да не знаю, куда и как, мал я...

— А сколько тебе?

— Пятнадцать будет.

— Чего мал? Ничего не мал! Хочешь, устрою тебя?

— Ты? — спросил недоверчиво Шура, во все глаза рассматривая Тимофея.

— Ну а кто же! — сказа́л го́рдо Тимофе́й. — Я те-бе́ сейча́с запи́ску напи́шу к одному́ челове́ку.

— А ты кто са́м-то?

— Я, брат, слéсарь, и ты бу́дешь слéсарем. Тепéрь не смотри́ на лета́. Ты из зимы́-то вы́лез ничегó?

— Ничегó, как тепло́ ста́ло — бегу́, и но́ги не ва́т-ные¹...

— То́-то, значит бу́дешь рабо́тать. Ты заво́д у мо-ста́ зна́ешь?

— Знаю.

— Вот там я и рабо́таю. Сейча́с я напи́шу тебе́ за-пи́ску.

Он вы́нул записну́ю кнѳжку, кото́рой о́чень горди́л-ся, послию́ил каранда́ш и написа́л крѳпными прямы́ми бу́квами: «Ми́лый Парфе́ний Ива́нович. На́до устро́ить ко мне Шу́ру Ники́тина. Я все́ вам расскажу́, почему́. А он то́же расска́жет».

Он переда́л запи́ску Шу́ре, и тот сказа́л удив-ле́нно:

— Как э́то ты подписа́лся: «Я все́ живу́»! Что э́то тако́е?

— Э́то для секрета́. У нас с Парфе́нием Ива́нови-чем свой секрет. Не бо́йся, не подве́ду. Я тебе́ расска-

¹ Не ва́тные — не сла́бые.

жу. Только, смотри, обязательно! Придешь? Не обманешь?

— А что мне обманывать? Конечно, приду. Меня отец немного слесарному учил. А ты мне скажи, почему меня остановил? Ты меня знаешь, что ли?

— Немного знаю, — сказал, вдруг смутившись, Тимофей. — Я тут живу недалеко, много раз видел...

— И ты мне что-то знаком, ей-богу знаком, — сказал Шура, — а вот не припомню. У меня, знаешь, после того, как засыпало в доме, голова болит часто. А тебя я где-то видел, правда, правда...

— Да, наверно видел, — сказал уклончиво Тимофей. — Близко друг от друга живём, так как не видеть? Так приходи, смотри!..

Тимофей рассказал ему, где найти Парфения Ивановича.

— Приду, — сказал Шура прощаясь, взмахнул удочкой и пошёл по набережной.

Тимофей смотрел ему вслед и никак не мог понять, почему он не открылся ему с самого начала. В первую минуту он усомнился, тот ли это мальчик, но имя и пятно на щеке подтвердили, что это тот.

В одну зимнюю ночь, когда особенно свирепо падали бомбы с тёмного, закрытого тяжёлыми снежными тучами неба, команду, где работал Тимофей, вызвали

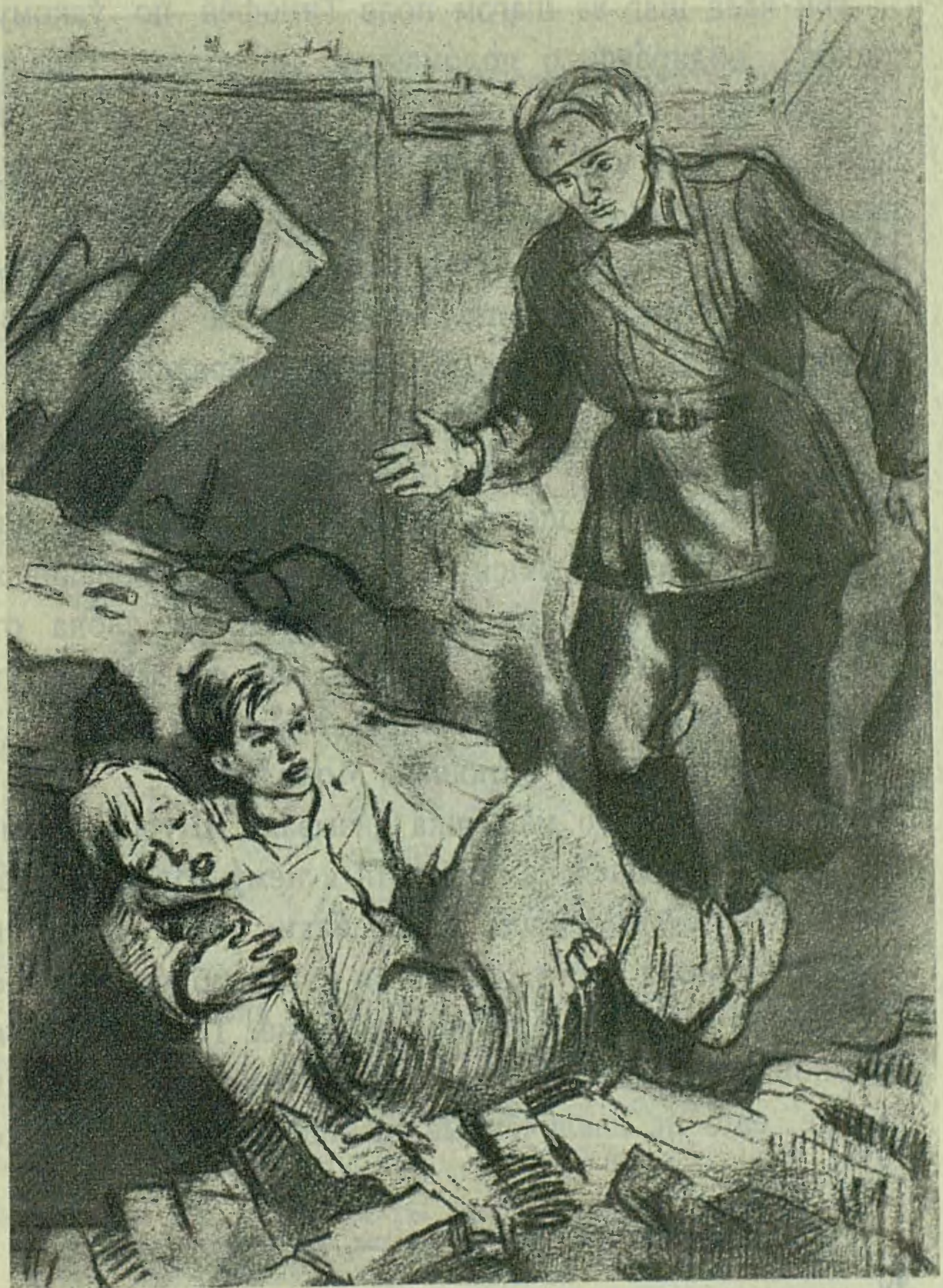
к до́му, кото́рый то́лько что обва́лился. Бо́мба попа́ла в са́мую сере́дину, и тепе́рь в темноте́ черне́л како́й-то фантасти́ческий о́стов со мно́гими перепу́танными же-ле́зными ба́лками, и лю́ди с фонаря́ми ры́лись в гру́дах му́сора, иска́ли засы́панных.

Снача́ла Тимофе́й раба́тал наверху́ зава́ла, но пото́м его́ позва́ли вниз, и комисса́р шта́ба райо́на, внима́тельно посмотре́в на него́ при све́те «лету́чей мы́ши»¹, спроси́л, реши́тся ли он отры́ть зава́ленного в ни́жнем эта́же ма́льчика. Они́ подошли́ к че́рной дыре́, откуда́ был слы́шен дале́кий сла́бый го́лос. Взро́слому лаз² был сли́шком у́зок. Тимофе́й надел ка́ску, взял пилу́-ножо́вку, молото́к, зубило́, топо́р и карма́нный элек-три́ческий фона́рь.

Он полёз в дыру́. Он твёрдо́ знал, что верне́тся с ма́льчиком, но для оста́вшихся э́то бы́ло вопробсом. Зава́л стал оседа́ть. Комисса́р приказа́л прекрати́ть ве́рхние раба́ты, и лю́ди столпи́лись внизу́, во́зле ла́за, по кото́рому отпра́вился на по́иск Тимофе́й. Они́ ходи́ли пе́ред ла́зом, снег скрипéл под их нога́ми, они́ перегова́ривались ти́хими голоса́ми, и то́лько комисса́р с фона-ре́м вре́мя от вре́мени крича́л в дыру́, оклика́я Тимофе́я.

¹ «Лету́чей мы́ши» — кероси́нового ручно́го фонаря́.

² Ла́з — прохо́д, дыра́.

Три часа шаг за шагом полз Тимофёй по узкому проходу, обдираясь о полбманную проволоку, гвозди и острые кирпичи. Он дополз до мальчика; лёжа на спине, разобрал над ним кирпичи, освободил ему руку, дал ему фляжку с водой. Сил у Тимофёя больше не осталось. Он осветил фонариком вокруг себя, чтобы точнее запомнить местоположение и все приметы, и пустился в обратный путь. Когда он выбрался из завала, он был мокрый от пота, как крыса под дождём.

Он отдышался и снова полёз отрывать мальчика. Так он работал ещё шесть часов. И он отрыл мальчика. Когда он снова появился на краю лаза, выволакивая за собой спасённого, он не мог сказать ни слова от изнеможения¹. Он только слушал, как гудели вокруг люди, как кто-то сказал, хлопая его по плечу:

— А и силен ты, батюшка! Молодец!

Он слышал, что мальчика называют Шурой Никитиным. Он набрался сил подойти к нему только тогда, когда его уже положили на носилки, чтобы увезти в больницу, и при свете фонаря он увидел бледное лицо с большим кофейным пятном на щеке. Только это он и запомнил. Надо было продолжать работу, имелись другие, ещё не извлечённые из-под обломков. И уже

¹ От изнеможения — от утомления, усталости.

мельком Тимофёй уви́дел сквозь проло́м в стене, как санитарный автомоби́ль заверну́л за у́гол до́ма и скры́лся из ви́ду.

И сегодня здоро́вый Шу́ра Ники́тин прошёл ми́мо него́ с у́дочкой. Тимофёй не мог не остано́вить его́.

...Прошло́ не́сколько дней. Во вре́мя перерыва Тимофе́я позва́ли в конто́ру це́ха. Едва́ переступи́в поро́г, он заме́тил Парфе́ния Ива́новича с то́лстой самокру́ткой в зуба́х.

При ви́де Тимофе́я тот широко́ улыбу́лся и сказа́л:

— Все́ живёшь, старина́! Принима́й пополне́ние.

Позади́ него́, прикрыва́ясь его́ широ́кой спиной, стоя́л Шу́ра Ники́тин. Тимофёй отл́ично его́ ви́дел.

— Спаси́бо, Парфе́ний Ива́нович, — сказа́л Тимофе́й. — Я все́ живу́, ве́рно. Пополне́ние приму́.

И тут же, при лю́дях, наполня́вших конто́ру, Шу́ра сказа́л:

— А что же ты скры́л, что ты Ско́белев, кото́рый меня́ от сме́рти спас? Я ведь тебя́ не узна́л. Прости́, че́стное сло́во! Тогда́ ви́дел тебя́ в потёмках, а пото́м мы с тобо́й так измени́лись с зимы́-то. Ты вот узна́л меня́, а я нет. Как вот ты меня́ на у́лице узна́л?

Но Тимофе́ю бы́ло сты́дно сказа́ть, что узна́л он его́ по кофе́йному пятну́ на щеке́. Он застесня́лся, что-

то пробормотал в ответ и пошёл из цеховой конторы. За ним шли Шүра и Парфёний Ива́нович.

И когда они вошли в цех и перед ними раскрылся прохладный светлый зал, наполненный отсветами станков и блёстками металлических стружек, Тимофёй сказал Шүре:

— Что было, то прошло. А вот тут, брат, уж мы поработаем вдвоём! — И он жёстком хозяина и мастера положил свою маленькую крепкую руку на холодную сталь станка.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Гайдáр. Мост	3
Л. Кассиль. Алексе́й Андре́евич	15
Н. Тихоно́в. «Я все́ живу́»	29

Для V — VII классов

Ответственный редактор Г. Каримова.
Художественный редактор С. Садомская.
Технический редактор В. Артамонов.

Подписано к печати 31/VIII 1946 г.
2³/₄ п. л. (1,5 уч.-изд. л.). 18 800 зн. в п. л.
Тираж 30 000 экз. А01690. Заказ № 2779.
Цена 1 руб.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.

41810/9

Цена ~~1~~ руб.

100 =